

напрямках і які ў заключным пункце, нібы ў кароткім замыканні, знаходзіць сваё знішчэнне. Гэты працэс Выгоцкі называе катарсісам⁷. Пры чытанні «Карнікаў» аснову катарсічнай афектацыі ўтварае тая супярэчнасць, паводле якой даводзіцца бачыць чалавека і забойцу адначасова, у адной асобе. Развіваючыся, гэтая супярэчнасць дыялектычна ператвараецца ў супярэчнасць двух несумяшчальных сутнасцей, і адна з іх знішчаецца. У карніках гіне духоўнае, антыномія вырашаецца. Адпаведна і чытацкае адчуванне напружанай і непрыемнай дваістасці развіваецца да афекта і да яго «кароткага замыкання», знішчэння — да ачышчальнага ўражання. Першапачатковы, у многім падсвядомы чытацкі негатывізм заканамерна супадае з канчатковай ацэнкай. Але цяпер ужо, прайшоўшы круг маральнай работы, гэтая ацэнка набыла вагу няспрошчанага пераканання.

Такім чынам, псіхалагічны змест апавесці А. Адамовіча «Карнікі» для паўнацэннага ўспрыняцця патрабуе ад чытача адказнай работы думкі і пачуцця. Пры гэтай умове кніга выклікае паглыбленую да катарсічных якасцей эстэтычную рэакцыю; у пэўнай ступені дасягаецца мэта літаратуры — дзейсна ўплываць на асобу і яе адносіны з рэчаіснасцю.

¹ Гл.: Выготский Л. С. Психология искусства.— М., 1968, с. 32.

² Гл.: Там жа, с. 17, 18, 40.

³ Гл.: Берхин Н. Б. Общие проблемы психологии искусства.— М., 1981, с. 40.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 395.

⁵ Гл.: Мейлах Б. Художественное восприятие (Аспекты и методы изучения).— Вопросы литературы, 1970, № 10, с. 45.

⁶ Магнітафонны запіс гутаркі з А. Адамовічам.

⁷ Гл.: Выготский Л. С. Назв. работа, с. 272.

И. А. ЧЕРОТА

ВОСПРИЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА М. А. ШОЛОХОВА В ЮГОСЛАВИИ

Процесс рецепции творчества М. А. Шолохова в Югославии имеет более чем полувековую историю. На сербскохорватский язык переведены все его произведения, большинство из них переведены также на словенский, македонский и другие языки народов Югославии. Далеко не полные подсчеты показывают, что общее количество переводов (вместе с публикациями в периодических изданиях) — более 200 единиц, в том числе три собрания сочинений и около 60 отдельных изданий. К творчеству знаменитого советского мастера слова обращались более 30 переводчиков; литературоведческих, литературно-критических и публицистических материалов, посвященных М. А. Шолохову, насчитывается более 280.

Тем не менее проблема восприятия творчества М. А. Шолохова в Югославии до сих пор разработана недостаточно. Из советских исследователей к ней первым обратился К. И. Прийма¹. Кроме его обстоятельного очерка, из работ советских авторов можно назвать лишь небольшие статьи А. Г. Мецержевой² и А. Д. Романенко³. Некоторые аспекты выделенной проблемы рассмотрены в работах югославских ученых Александра Флакера⁴ и Витомира Вулетица⁵, наиболее широкому кругу вопросов о рецепции творчества М. А. Шолохова в Югославии посвящена книга американского слависта Роберта Прайса⁶. До сих пор ни советское, ни зарубежное литературоведение не имеет работ, в которых бы освещалась вся история восприятия творчества М. А. Шолохова культурами народов Югославии и в комплексе анализировался творческий опыт советского мастера как действенный фактор процесса развития инонациональных литератур.

Актуальными в этом аспекте являются следующие задачи: выявить закономерности истории знакомства югославов с Шолоховым и провести периодизацию этого процесса; систематизировать и подробно рассмотреть всю совокупность материалов югославского шолоховедения; проанализировать факты влияния творческого опыта советского писателя на писателей Югославии; изучить переводы и различные издания; составить полную библиографию переводов и материалов югославского шолоховедения.

Остановимся на некоторых из них подробнее. Анализ фактов, отражающих процесс рецепции творчества М. А. Шолохова в Югославии, позволяет нам предложить следующую периодизацию: I период — 1930 — 1941 годы; II — 1941 — 1948; III — 1949 — 1955; IV период — с 1956 года по настоящее время. Хронологические рамки и особенности каждого

периода определяются прежде всего историческими условиями, влиявшими на степень активности интереса к произведениям советского писателя, на характер оценок и подход в осмыслении как художественных, так и идейных достижений.

В 1930—1941 годы в Югославии начиналось знакомство с выдающимся представителем советской литературы. За это время на сербскохорватский и словенский языки переведен рассказ «Семейный человек» (печатался 8 раз); на сербскохорватском дважды издана первая книга «Тихого Дона», а отрывки этого романа переведены и на словенский; на словенском в отрывках, а на сербскохорватском отдельным изданием увидела свет первая книга «Поднятой целины»; прямо или косвенно обсуждению творчества М. А. Шолохова посвящены около 50 материалов югославской печати. При всем этом представление о Шолохове у югославских читателей было еще далеко не полным и не всегда правильным. В характеристиках творчества автора «Семейного человека» и «Тихого Дона» нередко акцент делался на экзотике, региональности; в ряде случаев значение шолоховского опыта сужалось и автора великой эпопеи критика представляла как писателя крестьянского; чрезмерно подчеркивалась зависимость советского мастера от традиций русской литературы XIX века. Определялось это многими причинами: и спецификой национального восприятия, и недостаточным высоким уровнем методологии критики, но в наибольшей степени — политическими условиями, напряженностью идеологической борьбы. В связи с этим нельзя не отметить, что тон югославской критике в оценках творчества М. А. Шолохова нередко задавали эмигрантская печать и ряд критиков-белоземляков, сознательно искажавших суть искусства социалистического реализма.

Уже в первые годы проникновения в Югославию шолоховские произведения не только удивляли силой эстетического воздействия, но и активно сражались за новые идеи, за новую жизнь.

Характерной особенностью второго периода является развитие прогрессивных тенденций, проявившихся в 30-е годы. Период второй мировой войны для югославских народов — это не только борьба против фашистской оккупации. Это одновременно и путь революции. Интерес к Шолохову во время войны и в первые послевоенные годы обусловлен важнейшими историческими задачами, вставшими перед народами Югославии. Шолохов для них не только художник, получивший широкую известность, но и воин, патриот, «отечества достойный сын». В 1941—1945 годы слово Шолохова «приравняется к штыку» — переводятся на сербскохорватский язык «Военнопленные» и «Наука ненависти», а на словенский — отрывок из романа «Они сражались за Родину». Произведения М. А. Шолохова занимают одно из первых мест среди переводов 1945—1948 годов: на основных языках народов Югославии они издавались 20 раз. Но главное, безусловно, не в количестве, а в интенсивности процесса освоения, оперативности переводов и многоплановости вхождения в культуру братских народов.

С 1949 по 1955 год очевидно нарушение тенденций, сложившихся ранее: в этот период произведения советского писателя мало издаются, редко появляются исследовательские материалы о нем, а то, что печатается, подчинено не литературоведческим целям. Несмотря на это, объективно именно период 1949—1955 годов является временем наиболее ощутимого влияния творческих открытий М. А. Шолохова на югославских авторов. Обращение именно к Шолохову закономерно и потому, что его произведения глубоко и многопланово отразили процессы и проблемы, свойственные Югославии, и потому, что к этому времени «Тихий Дон», «Поднятая целина» и «Донские рассказы» были широко известны и восприняты как образец художественного осмысления истории.

Начиная с 1956 года, когда отношения Югославии и СССР становятся более тесными и плодотворными, когда талант М. А. Шолохова получает высокое признание во всем мире, интерес югославов к выдающемуся советскому писателю еще более возрастает. За период с 1956 года по настоящее время его произведения публикуются около 160 раз, выходят три собрания сочинений, 10 сборников избранных произведений. Практически все, что опубликовано на русском языке, становится достоянием югославских читателей. По неполным подсчетам, в югославской печати за это время появляется более 200 материалов, посвященных Шолохову. И этот процесс продолжается.

Исключительный интерес для исследования представляет такой аспект

рассматриваемой проблемы, как отношение к произведениям М. А. Шолохова югославской критики. Прежде всего следует отметить, что оно никогда не было пассивно-созерцательным — оценки творчества выдающегося мастера социалистического реализма всегда были связаны с отношением к важнейшим политическим, идеологическим и эстетическим проблемам. Выше указывалось на некоторые моменты, характерные для начального периода знакомства югославов с творчеством М. А. Шолохова. Острой полемикой, борьбой идей характеризуется и подход критики более позднего времени, вплоть до наших дней.

Особое значение для исследования проблемы «Шолохов и Югославия» имеет вопрос о влиянии опыта советского писателя на югославских авторов, поскольку он является наиболее убедительным доказательством вхождения в инациональный литературный процесс. На этот счет существует немало утверждений критиков, есть и не замеченные, не освещенные пока факты. Тем не менее вопрос этот сложен: факты, квалифицируемые как результат влияния, могут быть обусловленными историко-типологическим сходством; традиции литературных взаимосвязей, с одной стороны, увеличивают вероятность усвоения опыта отдельного писателя, но с другой — предполагают воздействие литературы в целом; национальная специфика идейно-эстетических задач на разных этапах истории югославского общества вызывала не только сближение с опытом советской литературы, но и отталкивание от него. Кроме того, длительное время в югославской критике утвердившимся было мнение, которое может быть выражено словами П. Зарича: «Наша революция не имела своего Шолохова»⁷.

При всем этом анализ большого ряда фактов доказывает отражение опыта М. А. Шолохова в литературе народов Югославии, непосредственно в романах «Село за семью ясенями» Славко Яневского, «Прорыв» и «Глухой порох» Бранко Чопича, «Далеко солнце», «Разделы» и «Время смерти» Добрицы Чосича, «За светлыми горизонтами» Мишко Краньца и др. Обращение югославских писателей к опыту выдающегося советского мастера не ограничивается ни отдельными произведениями, ни жанром, ни какими-то хронологическими рамками.

В целом можно с уверенностью утверждать, что творчество М. А. Шолохова более полувека является значительным фактором литературной жизни Югославии. Переводы каждого из его произведений были событиями большой важности, а интерес к ним с момента первого выхода не ослабевает до сих пор. Для югославской критики творческие достижения Шолохова играли важную роль в формировании эстетических критериев и методологических принципов. Наличие в литературах народов Югославии тенденций, близких творческим поискам советского писателя, создало благоприятные условия для освоения его художественных открытий.

¹ См.: Прийма К. «Тихий Дон» сражается.— М., 1975, с. 234.

² Мещерякова А. «Тихий Дон» в литературе Югославии.— Вестн. Московского ун-та. Филология, 1978, № 5, с. 9.

³ Романенко А. Шолохов в Югославии (Некоторые новые материалы).— Дон, 1981, № 4, с. 144.

⁴ Flaker A. Jugoslovenske književnosti i djela Mihaila Solohova.— Kolo, 1967, br. 10, s. 248—249.

⁵ Вулетић В. Шолохов код Срба и Хрвата.— Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду, кн. IX, 1966, с. 279.

⁶ Price R. Mihal Solohov in Jugoslavia: Reception and Literari impact.— New York, 1973.

⁷ Цит. по кн.: Художественный опыт литератур социалистических стран.— М., 1967, с. 250.

Л. С. СЕРЕДЕНКО

ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ДЕКАБРИСТА М. С. ЛУНИНА В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Первые воспоминания современников о М. С. Луние относятся ко второй половине XIX — началу XX веков. Публицистические произведения и письма декабриста не были доступны широкому читателю в то время, когда автор находился на каторге и в ссылке, когда перо стало его единственным оружием в борьбе с самодержавием. Лунин как политический бо-